

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	11
Глава 1	
Как все начиналось: код для винтиков.....	15
Глава 2	
Собеседование. Методы и методики	25
Глава 3	
Дресс-код и поведенческий код.....	45
Глава 4	
Преступления и проступки	63
Глава 5	
Принудительные радости больших корпораций	83
Глава 6	
Офисное пространство как модель современного мира.....	97
Глава 7	
Мораль и аморалка: служебный роман, харассмент, семейственность	113

Глава 8

Еда — это не только наслаждение вкусом!..... 127

Глава 9

Объяснение в ненависти 143

Глава 10

Сами виноваты!..... 151

Приложение..... 153

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люди собираются вместе, чтобы заняться чем-нибудь приятным, например поиграть в волейбол, или чтобы достичь цели, которую поодиночке достичь не могут, создать сложный продукт: автомобиль или кинофильм... Собственно, именно поэтому существуют артели, заводы и офисы. Люди идут на вечеринку или на работу не для того, чтобы над ними издевались, плели интриги, подставляли. Если кандидату на собеседовании скажут, что его будущий руководитель кричит почему зря, в наказание за ошибки заставляет ходить с плакатом «Я провинился», а в рабочее время за пределы офиса не позволяет выйти даже купить сигарет, вряд ли хоть один разумный человек пойдет в такую фирму работать, пусть она хоть трижды лидер рынка.

Рабство, как и многое другое, подкрадывается незаметно. Выкурил косяк раз-другой — вроде мелочь, развлечение, но вот уже не можешь без наркотика, наступает зависимость. Коллега отпускает едкое замечание по поводу одежды или ваших мыслительных способностей. Начальник на совещании выставляет вас виноватым, хотя ошибся он сам, когда давал задание. Вы опаздываете на минуту, и вас заставляют писать длинную объяснительную записку — при том что у вас не назначены никакие встречи, вы не секретарь и не охранник, а аналитик и с тем же успехом можете работать и дома. Вам кажется, что все это мелочи, и вообще вы здесь человек новый, после института, по натуре неконфликтны, а работа вам нужна, у вас куча кредитов, семья, квартира... Факторов, которые мешают человеку вовремя осознать, что на него оказывают психологическое

давление и заставляют забыть о собственном достоинстве, может быть сколь угодно много. Не каждый умеет выстроить границы личности и потом, не имея возможности дать отпор реальному обидчику, срывается на домашних, уходит в депрессию, спивается. В школе противостоять психологическим манипуляциям не учат, в семье могут быть свои проблемы, по ящику вообще идет сплошное промывание мозгов с утра до вечера. Новичок привыкает к определенному уровню давления, но оно неизменно растет, и вот уже начальник звонит вам вечером на мобильный и просит ввинтить лампочку на даче, а как раз сегодня он говорил вам о возможном повышении, вы чувствуете неловкость, но у вас ипотека, поэтому вы бросаете домашние дела и едете, как зомби, помогать боссу строить его личные взаимоотношения с лампочкой. Проходит год, и вот уже вы на отраслевых конференциях вещаете, как пение гимнов по утрам и тимбилдинги по выходным помогают повысить эффективность бизнеса и выжить в кризисные времена.

Эксплуатацию человека человеком легко объяснить экономически, чуть сложнее — психологически, но мне хочется взглянуть на эту проблему под другим углом. Степень цивилизованности человека и общества в значительной степени определяется тем, насколько для объяснения связи между причиной и следствием люди используют науку и готовы анализировать и доказывать зависимость между действием и результатом. Например, мы моем руки перед едой, так как доказано (а мы верим старику Пастеру), что мыло убивает микробы. Мы не крестимся на грозу, так как знаем, что молния — следствие действия атмосферного электричества, а не гнева Зевса или искр из-под колесницы Ильи-пророка. Аналогично в офисе. Множество исследований показали, что банковский клерк должен быть одет строго, так как это влияет на восприятие потребителями банка как серьезного заведения. Если токарь отклонится от рабочей процедуры, деталь будет запоротая. Если долго

не брать трубку, клиенты будут недовольны. Следовательно, просить клерка одеваться по форме, рабочего — четко выполнять процедуру, секретаря — оперативно отвечать на звонки — нормально, а вот требовать от сисадмина носить галстук — чистый произвол, так как наличие или отсутствие одного никак не влияет на его способность, например, поднять базу данных. Если продолжать медицинскую аналогию, то совет народного целителя Геннадия Петровича лечиться лыжной мазью нельзя объяснить ничем, кроме его собственных (не факт, что здоровых) представлений. Менеджер, конечно, может настаивать, что в офисе все, даже дизайнеры, должны носить костюмы, так как прилично одетые люди украшают мир, но это не более чем личное желание конкретного человека, никак не предусмотренное трудовым законодательством и не связанное с сутью выполняемой работы.

Случай с водителем грузовика фирмы Coca-Cola, которого уволили за то, что он пил Pepsi, так оживленно обсуждавшийся несколько лет назад в Интернете, пример произвола руководства Coca-Cola, так как то, что пьет водитель (если это не алкоголь), никак не влияет на его способность водить грузовик — а именно для этого его и нанимали. Матерый «корпоративщик», не мыслящий себя вне насквозь политически проинтригованного офиса, возразит, что водитель вел себя нелояльно, отдавая предпочтение продукции конкурента, это могли увидеть журналисты и вообще это плохой пример для других работников. Так что же, если рабочий на заводе делает наручники, ему в них и ходить каждый день? А воду пить можно, или кто-то сочтет это рекламой колодца?

Если ваши сотрудники при наличии свободного выбора покупают продукцию конкурента, значит, что-то не так с вашей продукцией, а не с сотрудниками, и не надо перекладывать с больной головы на здоровую и заставлять их делать несвободный выбор. Руководство «Евросети», запрещавшее

сотрудникам пользоваться той или иной моделью личного (!) телефона, вторгается туда, куда любому боссу независимо от его достоинств, рангов и регалий путь заказан — в личную жизнь человека¹. Ведь защищая право руководства Coca-Cola или «Евросети» определять, чем водитель должен утолять жажду за свои личные деньги, по какому телефону продавец может отправлять sms, мы потихоньку оплетаем себя рабскими путами. Признавая хоть малейшее право акционера, генерального директора, начальника отдела вторгаться в нашу личную жизнь, определять любой фактор, напрямую, логично и обоснованно не связанный с производительностью труда или качеством продукта (или иной явно определенной целью фирмы), мы создаем крайне опасный прецедент. И не стоит удивляться, если завтра за вас будут решать, какие слова, цвета одежды или марки автомобиля «корпоративны», а какие — нет, какие газеты читать, какие фильмы смотреть, на какие сайты заходить, за какую партию голосовать. У Большого Брата тысяча имен, а мы наивно дали себя убедить, что тоталитаризм возможен только при коммунизме или фашизме. Среди нынешних руководителей и владельцев российских фирм, кстати, еще хватает бывших бандитов или военных. Неудивительно, что свои представления о жизни, по большей части весьма жесткие, они часто перекладывают на всю иерархическую структуру организации, которая насковзь пропитывается недоверием, подозрительностью, самодурством.

Задача руководителя — координировать подчиненных, помогать им, обеспечивать их ресурсами и достойной зарплатой, воодушевлять и решать их проблемы, совершенствовать процессы, ставить и корректировать цели. Он больше слуга, чем господин, кстати, такой позиции придерживаются руководители многих японских и западноевропейских компаний. Речь не об уравниловке или защите

---

¹ <http://www.cnews.ru/top/index.shtml?2009/07/01/352422>

лентяев. Нет проблем в том, чтобы уволить неспособного сотрудника, не заплатить ему за несделанную работу, прямо сказать человеку об ошибке или сделать выговор за несоблюдение технологии. Но разные унижения и издевательства, швыряние клавиатур, подставы, сексистские оскорбления и многое другое, о чем пойдет речь в книге, не зря не входят в перечень навыков, которым обучают будущего руководителя, это вам подтвердит любой профессор нормальной бизнес-школы. Допуская в офисе неуставные отношения, руководители дискредитируют саму идею менеджмента, все знания и методы лучших бизнесменов и консультантов, перечеркивают все, что написано в тысячах книг, многие из которых вышли в издательстве «Альпина Паблишерз». Собственно, это одна из причин, почему мы предложили Ирине Драгунской написать данную книгу. Обидно, когда из-за действий отдельных, не вполне грамотных или психологически незрелых личностей у людей складывается неверное мнение о менеджменте и работе в коллективе.

Поскольку я сам практикующий руководитель, то могу понять, почему, когда возникает какая-то серьезная проблема, начальнику так хочется хоть что-то сделать и отчитаться наверх: «Вот, я нашел решение, я применил корректирующее воздействие, вот он — виновный во всех бедах!» Кажется, что активность — любая, не важно, насколько обоснованная и логичная, позволяет что-то поправить, ведь бездействие так тяготит и порождает сомнения в компетентности. Может, начать штрафовать? Устроить показательное увольнение? Отменить перекуры? Добавить еще две стадии собеседования? Отчитать министра перед телекамерой? Если вы не можете ясно и четко сформулировать и объяснить по всем правилам логики как то или иное ваше решение повлияет на результат, лучшее, что можно сделать, — еще и еще раз все обдумать. Конечно, возможны интуитивные озарения, лидер может быть гением от природы, может объективно

не хватать времени, чтобы взвесить все за и против. Тем не менее следует всегда помнить, что руководители имеют дело со сложными системами, и чем больше организация, тем сложнее система, тем больше в системе связей, тем больше одна часть системы влияет на другую и тем серьезнее надо продумывать каждое действие, так как ошибка может стоить жизни всей системе.

Когда я рассказывал знакомым о том, что мы готовим книгу про офисное рабство и цитировал кое-какие ее фрагменты, мне часто говорили: «Ну и что удивительного? Мало ли что бывает» или «Тоже мне проблему придумали». Складывается впечатление, что большинство людей, которые сталкиваются с офисным рабством, либо не замечают проблемы, либо настолько с ней свыкаются, что даже начинают оправдывать жесткие действия коллег — мол, сам виноват, бьет — значит любит... А это ведь стокгольмский синдром — штука похуже самого рабства!

Надеюсь, эта небольшая книга лишний раз поможет понять, что многое из того, что происходит в российских офисах, — неправильно и не должно быть в цивилизованном обществе, что офисное рабство как явление ничуть не безобиднее дедовщины в армии, коррупции чиновников или взяток на дорогах. Офисное рабство в той или иной степени существует везде, но в России, мне кажется, бороться с ним сложнее, так как понятие свободы у нас еще не так ценится гражданами, как, например, на Западе, да и власть ведет себя более жестко. Тем не менее мировая практика показала, что там, где уважают человеческую личность, по-настоящему процветает не только искусство, но и наука, и экономика. А значит, нам есть куда стремиться.

*Сергей Турко,
заместитель главного редактора издательства
«Альпина Пабlishерз»*

ВВЕДЕНИЕ

Допустим, ты выплатишь кредит и уйдешь
весь из себя такой гордый.

А что ты будешь делать в другом офисе?

Мудрость офисного раба

На начальственной галерейке стоит человек незаметной наружности. Среднего роста, средних лет. На нем даже не костюм, а удобная неброская одежда. Уютный свитер, любимые джинсы. Он смотрит вниз.

Сверху офис похож на муравейник. Обитатели, правда, покрупнее. Но такие же молчаливые и целеустремленные. Тщательно причесанные и гладко одетые. Они снуют между столами, переносят бумаги с места на место, говорят по телефонам, стучат по клавиатурам, что-то перебирают в папках. Прилежно трудятся, как их насекомые братья. Ни на что не отвлекаются. Все непрофильные сайты надежно заблокированы ай-ти-отделом. На каждом компьютере установлена программа-шпион, делающая снимок экрана раз в пять минут. На стенах торчат видеокамеры. Они пишут не только изображение, но и звук. Всех видно. Всех слышно. Про всех всё известно и понятно. Никто не тратит время зря. Потому что каждая секунда принадлежит хозяину. Тому, кто сейчас смотрит сверху вниз.

Только что он позвал секретаршу. Она идет недостаточно быстро. Или ему так кажется? «Вернись на место!» Она возвращается. «Ко мне!» — командует он. Она идет. Нет, конечно же, она идет слишком медленно. Какой-то прогулочный шаг, черт знает что... «На место!» Она снова возвращается

к своему столу, замирает в ожидании. «Ко мне!» Она начинает идти. «Стоп!» Она задирает голову и смотрит недоуменно. «Когда я зову, ты должна бежать! Понимаешь, бе-жать! Не идти, не гулять, не ковылять, а бееежаааать!!!» Она быстро возвращается на исходную позицию и бежит. И еще раз. И еще. Человек в уютных джинсах и любимом свитере сдержанно кивает — урок усвоен.

Серые воротнички... Сколько исторических книг написано о жизни рабовладельцев, господ, крепостников. Как мало — о жизни рабов. Не о бунтовщиках (от Спартака до Тайлера Дардена¹), а о рабах, довольных своей долей. Может, и впрямь есть что-то успокаивающее во всем этом: строгом режиме, жестком регламенте, в той полной ясности, что освещает ярким светом всю жизнь подчиненного — каждую минуту — от заката до рассвета?

Без гнева и пристрастия, без обличений и классовых чувств — эта книга о войне. О войне человека с рабом, о битве, которую каждый ведет в одиночку. Сам с собой. Некоторые проигрывают до начала сражения. Капитулируют без сопротивления. Некоторые воюют, думая, что вот-вот наступит победа — дайте только выплатить кредит, раздать долги, купить приличный ноутбук. Эта книга — о жертвах и героях, о рядовых и полковниках, о реющих над схваткой и прячущихся в окопах.

Война начинается по расписанию — ровно в 9 утра. Заканчивается, когда повезет... А может, не заканчивается вовсе. Как любая серьезная война.

«Иди выгуляй моих собак!» — директор протягивает программисту сворку с двумя рвущимися борзыми... Сотрудники ай-ти-отдела смотрят угрюмо, но молчат. Когда лай стихает вдали коридора, кто-то самый умный поясняет: «Нас тут набирали всех с высоким индексом С — повышенная лояльность... Специальными тестами проверяли».

---

¹ Главный герой фильма «Бойцовский клуб» (Fight Club, реж. Д. Финчер, США, 1999).

А вот на другой галерейке, в другом офисе, сидит другой босс. Ничем не напоминает первого начальника — высокий, статный. Рабочий день завершен, а он проводит встречу сотрудников со своей семьей: с женой и маленьким ребенком. Это абсолютно добровольно... Сотрудники сидят кружком, напряженно улыбаясь. Босс играет на фортепьяно. Его красавица-жена показывает семейные фотографии. Уйти из этого милого круга чревато серьезными последствиями... Время — полвосьмого вечера, но никто не спешит по домам. «Семейные ценности» являются частью политики компании — не беда, что дома сотрудников ждут их собственные семьи.

Офисное рабство невозможно без рабов.

Эта книга — и памятка, и памятник, и просто сохраненная память.

Реальные истории. Раздавленные судьбы. Бунты без последствий. Бои с правилами, которые не соблюдаются.

Глава 1

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ: КОД ДЛЯ ВИНТИКОВ

Называть деспота деспотом
всегда было опасно.
А в наши дни настолько же
опасно называть рабов рабами.

Акутагава Рюноске

Офисный планктон существовал уже полтора-два столетия назад, в царской России. Только назывался по-другому: конторские крысы. Или департаментские, но непременно крысы. Чиновники.

Россия была страна казенная, чиновничья. Армия чиновников росла с каждым годом. Но из них настоящего начальства, то есть лиц, реально принимающих решения, — совсем мало. На всю империю — человек полтора-два. Действительные тайные советники. «Их высокопревосходительства». В основной же своей массе российские чиновники — это была мелкота. Для справок, посылок и для переписки. Компьютеров не было. Пишущих машинок тоже. Поэтому все горы документов писались и переписывались, то есть копировались, от руки. Чиновников для переписки — тогдашнего офисного планктона — было больше всех. Эти конторские крысы целыми днями шуршали бумагой и скрипели перьями.

О чиновниках любили писать русские писатели.

Департаментской крысой был главный герой великой русской литературы — Акакий Акакиевич Башмачкин из «Шинели» Гоголя. Макар Девушкин из «Бедных людей»

Достоевского. Порфирий Пселдонимов из «Скверного анекдота» того же автора. Вообще же их было не счесть — бессловесные, забытые, несчастные, злобные, лебезящие перед начальством, однако норовящие содрать взятку с человека, зашедшего по делу в департамент. За что угодно — за «справочку» прежде всего.

Чиновники жили страшно бедно. Особенно в столице. Одевались плохо. Кормились едва-едва. На новую шинельку годами копили.

Разница в зарплатах (пардон, в жалованье) была огромная. Мелкота получала 10 рублей в месяц и, может, рублишко-другой от неопытного посетителя конторы. (В середине XIX века один рубль по покупательной способности равнялся примерно нынешней тысяче. 10 000 в месяц — не разгуляешься.) Среднее и вышесреднее начальство — 300–500 рублей (то есть 300 000 — полмиллиона, ого!) плюс воровство и взятки. А вот высшее начальство — вообще без счета, потому что сверх тысячных окладов давали громадные «наградные». А также «на заведение обстановки в доме». Купил новый особняк — получи на покупку мебели и занавесок, поди плохо! Почти как теперешние «бонусы», только еще наглее, потому что за государственный счет. Плюс возможность воровать уже по-крупному, на железнодорожных и угольных контрактах, на военных поставках.

Сытое и модно одетое начальство размышляло — выдать ли голодному и ободранному планктону (то есть конторской крысе) немножко денег сверх зарплаты. По ведомости, типа премии, или из своего кармана — типа личного поощрения. Или больно рожа у него противная, и поэтому обойдется. Но иногда выдачи случались. Конторская крыса просто умирала от восторга и благодарности: «Вечно бога буду молить за ваше превосходительство, и дети мои будут за вас бога молить!» Это я не сама придумала. Это Достоевский.

«Да, действительно Пселдонимов был из его ведомства, из самой его канцелярии; он припоминал это. Это был маленький чиновник, рублях на десяти в месяц жалованья. Так как господин Пралинский принял свою канцелярию еще очень недавно, то мог и не помнить слишком подробно всех своих подчиненных, но Пселдонимова он помнил, именно по случаю его фамилии. Она бросилась ему в глаза с первого разу, так что он тогда же любопытствовал взглянуть на обладателя такой фамилии повнимательнее. Он припомнил теперь еще очень молодого человека, с длинным горбатым носом, с белобрысыми и клочковатыми волосами, худосочного и худо выкормленного, в невозможном вицмундире и в невозможных даже до неприличия невыразимых. Он помнил, как у него тогда же мелькнула мысль: не определить ли бедняку рублей десяток к празднику для поправки? Но так как лицо этого бедняка было слишком постное, а взгляд крайне несимпатичный, даже возбуждающий отвращение, то добрая мысль сама собой как-то испарилась, так что Пселдонимов и остался без награды» (Ф.М. Достоевский, «Скверный анекдот»).

Дресс-код тогда непременно был. Чиновники ходили в специальной форме — в вицмундирах. Такой как бы фрак, но с пуговицами спереди. Пуговиц — девять. В честь матушки-императрицы, которая эту форму и учредила. Девять пуговиц, как девять букв в имени — Е-к-а-т-е-р-и-н-а. А сверху надевали форменную шинель. Порядок был!

Корпоративы тоже были. Например, в честь именин непосредственного начальника. Угощали недорогим шампанским. Явка — строго обязательна!

Ну и конечно, полнейшее офисное рабство.

Мелкий чиновник, хоть и был государственным служащим, с потрохами принадлежал начальству. Чинил ему перья и сметал пыль с кресла, подавал шинель. А также, бывало, прислуживал его семье. Выгуливал собаку дочери начальника. Сопровождал его жену на базар. Вообще делал массу полезных вещей по дому. Тем более что у начальника казенная квартира

довольно часто находилась в том же доме, что и департамент. Так что вторая дверь из кабинета начальника вела в его, начальника, гостиную и столовую: сам бог велел попользоваться услугами офисного раба. Начальник мог заставить чиновников бегать цепочкой вокруг стола, кукарекать, кудахтать, изображая птичий двор. Или танцевать казачка. Или громко и с выражением декламировать стихи. Зачем? А чтобы не забывались. Чтоб служба медом не казалась. Незаконно, конечно, но никто не сопротивлялся. Потому что начальник мог совершенно законно, своим устным приказом, посадить чиновника на гауптвахту. То есть на пару суток под стражу, на хлеб и воду.

Но одно качество решительно отличало старинный российский «департамент» от советского «учреждения» и современного «офиса». Дело не в компьютерах и не в кондиционерах, конечно. (Рядом с этим сегодняшние штрафы типа «доллар/минута» выглядят, право, довольно несерьезно.)

Дело в том, что в царской России офисным планктоном были мужчины. Мужчины и только они.

Женщин среди чиновников не было.

Первая великая офисная революция произошла в самом конце XIX века

Тогда в России, да и во всем мире, появились «конторские барышни». Те же переписчицы (позднее — машинистки), секретарши, делопроизводительницы. Но это были именно барышни, то есть молодые девушки. В смысле незамужние женщины. Они только работали, а после работы искали свое личное счастье. Или тетешкались с племянниками, как старые девы.

Но, когда девушка находила свое личное счастье с инженером или офицером или когда любимая сестра умирала, оставив племянников на попечение старой девы, то есть когда наступала полномасштабная семейная жизнь, «конторские барышни» уходили с работы и посвящали себя се-

мье. Тогда, в конце XIX и начале XX века, это считалось единственно возможной ситуацией.

В советское время наступила Вторая великая офисная революция

Отменили чины, чиновники стали зваться советскими служащими. В учреждении стали работать семейные женщины. Замужние. Имеющие детей. И еще — женщин в учреждении стало большинство. Иногда подавляющее. В том числе появились женщины-начальницы.

Началась совсем другая офисная жизнь.

Для настоящего чиновника, настоящей старинной российской департаментской крысы, а также для конторской барышни Серебряного века работа была первым, главным и единственным занятием.

Для советской служащей женщины — совсем наоборот.

Но только не думайте, пожалуйста, что советская служащая женщина приходила в учреждение просто так, «проветривать кофточки», как тогда говорили! Или что она приходила «заработать себе на булавки», как говорили тогда же или чуть ранее. То есть что она была полностью обеспечена, а на работу в свое учреждение приходила так, поболтать с подругами, чтоб совсем не одичать, сидя дома. Или чтобы оправдать диплом. Она же инженер, экономист, юрист, переводчица. Зря она, что ли, диплом получала? Ну а полученная зарплата — так, на карманные расходы...

Да, такие, конечно, были. Но их были сущие единицы. Отдельные генеральши, жены академиков и героев. Им завидовали, их в учреждениях терпеть не могли. Приятель отца рассказывал, что к ним в контору пришла работать жена аж заместителя председателя Совета министров СССР. Добрейшая, милейшая, очаровательнейшая женщина. Так считали немногочисленные мужчины этой конторы. Но женщины там были в подавляющем большинстве, и они имели иное мнение.

Съели. Затравили. Выжили. Всесильный зампредсовмина (это как теперешний вице-премьер, но в квадрате) ничем не смог помочь. Она сама бросила заявление об уходе и гордо ушла, вся в слезах и в норковой шубке. А вслед ей демонически скалились дамочки в лиловых драповых пальто. Потому что нечего нам тут выстраиваться! Еще одну историю рассказала мне Ирина Павловна Захарова, художница, работавшая в семидесятые годы в Институте культуры одежды. Вместе с ней там служила некая дама, совсем оторванная от советской действительности благодаря высокопоставленному супругу. Она, например, могла встать на производственном совещании и предложить оторачивать поля шляпок шкурками змей — в Париже, мол, все так носят. К ней относились как к блаженной...

Кстати говоря, были и другие женщины, не обязательно незамужние или бездетные. Для которых работа была именно что работой. Хотя чаще всего они были такими, как начальница статистического учреждения из фильма «Служебный роман». Как председатель горисполкома из фильма «Прошу слова». Или как директор фабрики из фильма «Москва слезам не верит». Их называли мымрами, карьеристками, сухарями, мужиками в юбках. Или давали еще более обидное и нелепое прозвание — «конь с яйцами» (как будто бывает конь без яиц). Их тоже ненавидели и выживали. Потому что нечего выстраиваться! Что ей, больше всех надо?! Для таких женщин существовало одно спасение — пробиться в начальницы. Собственно говоря, так и спаслись вышеуказанные героини советских фильмов.

Итак, для 99,9% советских служащих женщин работа в учреждении была средством заработка. Серьезнейшим взносом в семейный бюджет. А если женщина одна тащила ребенка, то это вообще был основной источник ее доходов.

Но несмотря на это, для советской служащей женщины работа оставалась на энном (пятом, десятом, восемьдесят пятом) месте. На первом месте — дом. Семья. Квартира, дети, готовка, покупки, муж, мама, свекровь, аптека, по-

ликлиника, ремонт и весь дальнейший бесконечный список советских бытовых забот. Работа в учреждении едва выглядывала из-за этой груды.

О русском чиновничьем департаменте мы знаем по русской классической литературе. О советском учреждении — по советским застойным фильмам.

...Вот советские служащие женщины приходят в учреждение, уже нагруженные покупками, которые они успевали сделать до работы. Придя, они тут же начинают звонить домой, узнавать, все ли в порядке с детьми (если они маленькие) или с папой-мамой (если они старенькие). Они тут же делают себе маникюр и макияж. Пьют чай с подругами, обсуждая широкий спектр проблем — от учрежденческих сплетен до вчера просмотренных фильмов и отметок, которые принесли дети из школы. Секретарша Верочка сплетничает по телефону, начальница-мымра третировает подчиненных, пришлый полуначальник Самохвалов плетет интриги. Все это прекрасно и подробно показано в фильме Эльдара Рязанова «Служебный роман». Разгар застоя, 1977 год. Этот фильм посмотрели 58 миллионов зрителей. Блокбастер! (Слова не было, а блокбастеры — были.) То есть можно смело сказать — это не просто портрет советского учреждения. Это еще и модель, по которой стали жить, с которой стали себя сверять советские служащие.

Советское учреждение, по сути, тот же офис. Хотя и такого слова тоже еще не было, как и слова «блокбастер».

Тот, да не тот. Хотя именно там была посеяна часть драконьих зубов, взошедшая десятилетиями позже. Давайте рассмотрим это поподробнее.

Конечно, никакого офисного рабства не было. Ни российско-имперского, то есть феодального, ни российско-демократического, то есть раннекапиталистического. В советском учреждении царит закон по имени КЗоТ (Кодекс законов о труде).

Все приходят на службу ровно по звонку. Эта строгая дисциплина высмеивается самой фактурой фильма — потому

что, придя на работу, служащие начинают откровенно валить дурака. Когда у мымры-начальницы («мужик в юбке», «конь с этим самым») начинается личная жизнь, она... правильно! Она опаздывает на работу и торжествующе говорит секретарше: «Я проспала!»

Уходят с работы тоже ровно по звонку. Особенно хорошо это видно в социологически полезном фильме «По семейным обстоятельствам» (1977, реж. А. Коренев). И конечно, в том же «Служебном романе». Те, кто остается позже положенного времени, — неудачники, люди бессемейные и несчастные. Подчеркивается, во-первых, главенствующая роль семьи, во-вторых, второстепенность самой работы.

Во всех фильмах (а значит, и в настоящей жизни) служба в советском учреждении показана не как призвание или карьера, но как досадная помеха личной жизни или же как замена личной жизни.

Главная героиня фильма «Москва слезам не верит», достигшая головокружительных административных высот (поднявшись со дна народного), перестает заботиться о карьере, встретив обаятельного слесаря Гошу, мужчину своей жизни. И сразу превращается из «коня с этим самым» в изящную, обаятельную, даже где-то трогательную в своей незащитности женщину. Точно такая же разительная и тотальная перемена, включая одежду, прическу, походку — буквально в один миг происходит с сухой, жесткой и принципиальной Людмилой Прокофьевной из «Служебного романа», и с героиней Галины Польских (Галочкой) из фильма «По семейным обстоятельствам». Все три босса в юбке, найдя свое женское счастье, тут же смягчают стиль общения с подчиненными и вообще начинают сомневаться в правильности избранного жизненного пути. Героиня Польских, выйдя замуж, говорит своему заместителю: «Дорогой мой! Работать надо в рабочее время! Оно ведь потому так и называется — рабочее!» Советская идеология такими способами устанавливала приоритет «семейных

ценностей» и ненавязчиво показывала советской женщине ее «истинное» предназначение.

Интересная деталь: женщины-начальницы в советском кинематографе неизменно строили свои любовные взаимоотношения с мужчинами-подчиненными или просто с менее успешными коллегами, а то и не коллегами вовсе. Тем самым советский кинематограф отвергал идею сословности и «равнородности». Наверное, таким образом пропагандировалась подвижность социальных кластеров или хотя бы идея подобной мобильности.

Однако для женщин такой любовный «социальный лифт», как правило, ехал вниз.

Советское мелкое офисное начальство (мелкое в сравнении с крупным партийным) активно высмеивалось в советском кинематографе. Смешной плюгавенький застекольный начальник чертежного бюро Петр Васильевич из «Самой обаятельной и привлекательной», комично-подловатый Юрий Самохвалов из «Служебного романа», глупый бюрократ и жулик Полыхаев из «Золотого тельника»... Если исключить некоторые популярные в то время фильмы вроде «Старых стен»¹ (1973, реж. В. Трегубович), то подлинным авторитетом мелкий конторский царек не обладал. Ему подчинялись по необходимости, без уважения.

Хотя имелась одна маленькая житейская деталь, которая заставляла если не уважать непосредственного начальника, то стараться строить с ним хорошие отношения.

Дело в том, что женщине приходилось постоянно отпрашиваться. У нее дома все время что-то случалось. То с детьми, то с родителями. То кто-то заболел, то надо было ждать сантехника. Служащая женщина с маленьким ребенком частенько приносила больничные «по уходу». Наконец, от на-

---

¹ Фильм «Старые стены»: директор подмосковной текстильной фабрики Анна Григорьевна Смирнова, бескорыстно посвятившая себя организации производства, на склоне лет встречает мужчину и безуспешно пытается уйти от нежданной любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)